

озеро Супериион

озеро Мичиган

озеро Негри

озеро Тарион

озеро Эрис

озеро Красной Кости

БЫЙ КРАЙ

Н О Р Т

НАЯ ТЕРРИТОРИЯ

П Ь Е М О Н Т

Восточный океан

аракс

G H I J K L M

1
2
3
4
5
6
7

Никогда не сомневайся в том, что ты значим и силен, что имеешь право использовать все шансы, все возможности, чтобы воплощать свои мечты.

Хиллари Клинтон

1. Мэра

Я поднимаюсь на ноги, когда он мне позволяет. Цепь, прикрепленная к шипастому ошейнику, тянет наверх. Края впиваются в кожу — не настолько глубоко, чтобы пустить кровь. Пока что. Но запястья у меня уже окровавлены. Я стерла их за много дней, проведенных без сознания, в грубых, раздражающих плоть оковах. Белые рукава окрашены темно-красным и ярко-алым — засохшие пятна и свежие, которые свидетельствуют о пережитом испытании. Кровь показывает придворным, сколько я уже выстрадала.

Мэйвен стоит надо мной с непонятным выражением лица. Зубцы отцовской короны делают его еще выше, как будто железо растет прямо из черепа. Корона блестит. Каждый зубец — изгибающийся черный язык пламени, увенчанный бронзой и серебром. Я сосредотачиваюсь на этой мучительно знакомой вещи, чтобы не смотреть Мэйвену в глаза. Он всё равно подтаскивает меня ближе, держась за другую цепь, которой я не вижу. Только чувствую.

Белая рука обхватывает мое израненное запястье — довольно ласково. Против собственной воли я обращаю взгляд на лицо Мэйвена, больше не в силах

отворачиваться. Его улыбку не назовешь доброй. Тонкая и острая, как бритва. Каждый зуб словно впивается в меня. А хуже всего — глаза. Это ее глаза, глаза Эллары. Когда-то я считала их холодными, сделанными из живого льда. Теперь я знаю точно. Самый жаркий огонь горит синим, и глаза Мэйвена — не исключение.

Тень пламени. Мэйвен уж точно пылает, но вокруг него — тьма. Под глазами, испещренными серебрястыми прожилками, залегли черные и синие пятна, похожие на следы побоев. Мэйвен давно не спал. Он похудел, стал более поджарым и жестоким. Его волосы, черные, как бездна, отросли до ушей и вьются на концах, щеки по-прежнему гладкие. Иногда я забываю, какой он молодой. Как молоды мы оба.

Под платьем ноет буква М, выжженная на груди.

Мэйвен быстро поворачивается, крепко держа цепь в кулаке и вынуждая меня двигаться вместе с ним. Я — как луна, которая вращается вокруг планеты.

— Будьте свидетелями моей победы, посмотрите на эту пленницу, — говорит Мэйвен, расправляя плечи перед многочисленной публикой.

По меньшей мере триста Серебряных знатных и не очень, военных и штатских. Я с особой остротой осознаю присутствие Стражей неподалеку; яркие плащи постоянно напоминают о моей быстро сужающейся клетке. Охранники-Арвены тоже держатся в поле зрения — их белая форма слепит меня, а способность душит. Впору задохнуться от их давящего присутствия.

Голос короля эхом разносится по великолепным просторам площади Цезаря, и толпа отзывается. Оче-

КЛЕТКА КОРОЛЯ

видно, повсюду расставлены микрофоны и динамики, которые передают ужасные слова короля всему городу — и, несомненно, всему королевству.

— Вот предводитель Алой гвардии, Мэра Бэрроу.

Несмотря на свое затруднительное положение, я едва удерживаю смехок. «Предводитель». Смерть матери не мешает Мэйвену врать.

— Убийца, террористка, смертельный враг нашего королевства. Теперь она стоит на коленях перед нами, и все видят ее кровь.

Цепь снова натягивается, вынуждая меня торопливо рысить вперед, вытянув руки, чтобы не потерять равновесия. Я тупо повинуюсь, опустив глаза. Сплошной спектакль. Гнев и стыд охватывают меня, когда я понимаю, какой ущерб это простое действие нанесет Алой гвардии. Красные по всей Норте увидят, как я пляшу под дудку Мэйвена, и решат, что мы слабы, побеждены, недостойны их внимания, усилий, надежды. Тогда как это страшно далеко от правды. Но я ничего не могу сделать — не здесь, не сейчас, когда всецело завишу от милосердия Мэйвена. Я думаю про Корвиум — город-крепость, где мы видели пожары по пути в Чок. После нашего сообщения в эфире там случился бунт. Это был первый революционный взрыв — или последний? Мне не суждено узнать. Сомневаюсь, что кто-нибудь удосужится принести пленнице газету.

Кэл предупредил меня об опасностях гражданской войны уже давно, еще при жизни отца. До того как он потерял всех, кроме взрывной девочки-молнии. «Мятеж на обеих сторонах», — сказал он. Но стоя здесь, на поводке, перед придворными Мэйвена и его Се-

ребрыными подданными, я не вижу никакого раскола. Хотя я показала им всё, что могла, рассказала про выстроенную Мэйвенем тюрьму, про близких, которых у них отняли, про то, как король и его мать предали их доверие, для Серебряных я по-прежнему — враг. От этого впору кричать, но я не стану. Голос Мэйвена всегда будет громче моего.

«Мама и папа тоже это видят?» Меня вновь охватывает грусть, и я с силой прикусываю губу, чтобы сдержать слезы. Несомненно, где-то рядом стоят видеокамеры, нацеленные мне в лицо. Я это знаю, хотя не чувствую их. Мэйвен не упустит возможности запечатлеть мое падение.

«Сейчас они увидят, как я умру?»

Ошейник намекает, что нет. Зачем устраивать такой спектакль, если Мэйвен намерен просто меня прикончить? Другой человек, вероятно, ощутил бы облегчение, а у меня внутренности холодеют от страха. Он не подарит мне смерть. Только не Мэйвен. Я чувствую это в его прикосновении. Его длинные, бледные пальцы по-прежнему обхватывают мое запястье, а вторая рука сжимает поводок. Даже теперь, когда я целиком принадлежу ему, он не желает меня отпускать. Я бы предпочла казнь этой клетке, извращенному пристрастию безумного мальчика-короля.

Я помню его записки, каждая из которых кончалась словами «До встречи».

Мэйвен продолжает говорить, но его голос отдается в моей голове глухо, как жужжание шершня, который подлетел слишком близко. Я оборачиваюсь, и мой взгляд падает на толпу придворных. Все они стоят, гордые и мерзкие, в траурных нарядах. Лорд

КЛЕТКА КОРОЛЯ

Воло из Дома Самоса и его сын, Птолемус, велико-
лепны в своих черных полированных доспехах с че-
шуйчатой серебряной перевязью от бедра до плеча.
При виде Птолемуса я чувствую жгучий алый гнев.
Я подавляю желание броситься и ободрать ему ногтя-
ми все лицо. Поразить в сердце, как он сделал с моим
братом. Это желание отражается в моих глазах, и у
Птолемуса хватает наглости ухмыльнуться. Если бы
не ошейник и не молчаливые охранники, ограничива-
ющие меня во всем, я бы превратила его кости в ды-
мящееся стекло.

Отчего-то его сестра, которая некогда была моим
лютым врагом, не смотрит на меня. Эванжелина,
в платье, покрытом шипами из черного хрусталя, —
неизменная сверкающая звезда этого жестокого со-
звездия. Наверное, она скоро станет королевой — она
вытерпела уже достаточно долгую помолвку. Ее взгляд
устремлен в спину короля; темные глаза, горя, сосре-
доточенно изучают его затылок. Ветерок шевелит бле-
стящую волну серебряных волос и отдувает их с плеч,
однако Эванжелина не движется. Она далеко не сразу
замечает, что я смотрю на нее. И даже тогда она едва
взглядывает на меня. Ее глаза пусты, лишены эмоций.
Я больше не стою внимания леди Самос.

— Мэра Бэрроу — пленница короны, и она пред-
станет перед судом короля и совета. Она должна от-
ветить за свои многочисленные преступления.

Интересно, каким образом?

Толпа ревет в ответ, приветствуя решение Мэйве-
на. Это всё Серебряные, но попроще, не благородно-
го происхождения. Они радуются словам короля, но
двор никак не реагирует. Более того, некоторые сере-

ют, их лица становятся злыми, каменными. Особенно Дом Мерандуса. Их траурные наряды испещрены темно-синими полосами — это проклятый цвет мертвой королевы. В то время как Эванжелина не обращает на меня внимания, они вглядываются в мое лицо с пугающей сосредоточенностью. Со всех сторон — пылающие синие глаза. Я ожидаю услышать в голове шепот. Десятки голосов, вроде червей в гнилом яблоке. Но в моем сознании тишина. Возможно, Арвены играют роль не только тюремщиков, но и защитников — они подавляют мою способность, а заодно и способности тех, кто мог бы обратить свою силу против меня. Очевидно, это приказ Мэйвена. Никто не смеет повредить мне здесь.

Никто, кроме него.

Но всё уже болит. Больно стоять, больно двигаться, больно думать. От падения, от сонара, от невыносимой тяжести молчания. И это только физическая боль. Синяки. Трещины в костях. Боль, которая пройдет, если дать время. За остальное не поручусь. Мой брат погиб. Я пленница. И я не знаю, что на самом деле произошло с моими друзьями в тот день, невесть сколько времени назад, когда я заключила эту дьявольскую сделку. Кэл, Килорн, Кэмерон, мои братья Бри и Трами. Мы оставили их там, на поляне, но они были ранены, обездвижены, беззащитны. Мэйвен мог отправить к ним отряд убийц, чтобы довершить начатое. Я обменяла себя на остальных — и даже не знаю, был ли в этом смысл.

Мэйвен ответил бы, если бы я спросила. Я вижу это в его лице. После каждой жестокой фразы глаза короля обращаются на меня, подчеркивая очередную ложь,

КЛЕТКА КОРОЛЯ

которую он скармливает своим восторженным подданным. Он желает убедиться, что я смотрю на него, наблюдаю, внимательно слушаю. Какой же он ребенок.

Я не стану умолять Мэйвена. Не здесь и не так. У меня достаточно гордости.

— Мои отец и мать погибли, сражаясь с этими зверями, — гневно продолжает Мэйвен. — Они пожертвовали жизнью, чтобы сохранить королевство. Защитить вас.

Хоть я и побеждена, но невольно вскидываю голову и отвечаю шипением на огненный взгляд Мэйвена. Мы оба помним, как умер старый король. Как его убили. Королева Элара внушила свою волю Кэлу, превратив любимого принца-наследника в смертоносное оружие. Мы с Мэйвеном наблюдали, как Кэла вынудили стать убийцей отца, отсечь королю голову и лишиться всех шансов на корону. Я видела с тех пор много ужасных вещей, но это воспоминание по-прежнему меня преследует.

Я, в общем, не помню, что случилось с королевой при штурме Корроса. Состояние ее трупы служило достаточным свидетельством того, что может сделать с человеческой плотью необузданная молния. Я знаю, что убила ее без сомнений, без сожалений, без раскаяния. Внезапная гибель Шейда породила бешеную бурю. Мое последнее отчетливое воспоминание о битве за Коррос — это падающий брат, пронзенный неумолимой, холодной стальной иглой Птолемуса. Каким-то образом тот скрылся от моей слепой ярости, а королева нет. По крайней мере, мы с полковником постарались, чтобы мир узнал о судьбе Элары, и продемонстрировали ее тело во время эфира.